

Изучение осведомленности в семейной истории: психологическое благополучие и девиантное поведение

Бондаренко Я.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5230-8726>, e-mail: mail_93@mail.ru

Семейная история на протяжении длительного времени изучалась как патологизирующий феномен. В настоящей статье представлены результаты исследования связи уровня психологического благополучия личности со степенью осведомленности подростков в истории собственной семьи. Семейная история представляется как ресурс личности, актуальность которого объясняется происходящими социокультурными изменениями. Была разработана и модифицирована специальная анкета, направленная на изучение уровня осведомленности. В настоящем исследовании принял участие 121 человек — 73 подростка с нормативным и 48 с девиантным поведением, все являются жителями Москвы и Московской области. Обнаружено, что подростки, осведомленные в семейной истории, поддерживающие контакты с расширенной семьей, для которых ее изучение и поддержание являются значимыми, характеризуются высокими показателями психологического благополучия. Получены значимые различия нормативных и девиантных подростков по уровню осведомленности ($F=42.009$, $p=0.000$).

Ключевые слова: семья, семейная психология, семейная история, девиантное поведение, психологическое благополучие, подростковый возраст.

Для цитаты: Бондаренко Я.А. Изучение осведомленности в семейной истории: психологическое благополучие и девиантное поведение [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 1. С. 72—85. DOI:10.17759/psyedu.2020120106

The Study of Awareness of the Family History: Psychological Well-being and Deviant Behavior

Yakov A. Bondarenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5230-8726>, e-mail: mail_93@mail.ru

This article presents the results of a study on correlation level of psychological well-being of the person with the degree of awareness of adolescence of his own family history. The analysis and comparison of existing concepts proposes a new understanding and definition of the phenomenon of family history. Family history is represented as a resource person, the relevance of which is due to occurring socio-culture changes. It has been developed and modified by special questionnaire aimed at the study of the level of awareness. In the present study we took 121 people participated. 73 adolescence group of norm, and 48 with deviant behavior. It was

found that adolescents knowledgeable in the history of the family history, to maintain contact with the extended family, for which it is studying and maintaining meaningful, characterized by high levels of psychological well-being.

Keywords: family, family psychology, family history, family identity, deviant behavior, psychological well-being, adolescence.

For citation: Bondarenko Ya.A. The Study of Awareness of the Family History: Psychological Well-being and Deviant Behavior. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya=Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 72—85. DOI:10.17759/psyedu.2020120106 (In Russ.).

Введение

В настоящее время отмечается обилие теоретических подходов к феномену семейной истории [2; 14]. К ним относятся психодинамические представления, модели позитивной психологии, приложения системного подхода и т.д. (М. Боуэн, А.А. Шутценбергер, Н.А. Брахам, М. Терек, И. Бузурмени-Надь, Сонди, А.Е. Петрова и т.д.). Значение изучения семейной истории возрастает с каждым годом (к примеру, было множество дискуссий и докладов, затрагивающих эту проблему на второй международной конференции по системной семейной психотерапии 2nd International Conference on Bowen Family Systems Theory 2018). Однако исследование затрудняется тем, что не существует общепринятого рассмотрения феномена семейной истории (СИ). При этом можно отметить существенную, но неявно выраженную тенденцию — рассмотрение понятия семейной истории с точки зрения «ресурсности».

Для структурирования пространства представлений в изучении феномена семейной истории мы создали рабочую классификацию, в основе которой лежат два параметра: уровень анализа семейной истории (индивид, семейная система, общество) и эффект влияния семейной истории (патологизирующий, ресурсный) (см. табл. 1). Уровень анализа означает то, на что направлен основной фокус внимания исследователей при работе с семейной историей — конкретный человек (индивид в широком смысле) или совокупность людей, входящих в семейную систему, или семейная история рассматривается в еще более широком контексте (общество и культура). Второй критерий отражает содержательную оценку феномена семейной истории — она может либо мешать, препятствовать и тормозить процессы развития и становления личности, либо способствовать им и содержать потенциальные ресурсы.

Таблица 1

Классификация подходов к семейной истории

Параметры классификации		Основной эффект	
		Патологизирующий	Ресурсный
Уровень анализа семейной	Индивид	Психоаналитические представления (Шутценбергер, Абрахам, Терек, Бузурмени-Надь и т.д.).	Судьбоанализ (Сонди).
	Семейная система	М. Боуэн, системная семейная терапия; Миланская школа.	Межпоколенческое взаимодействие (Е.А.

			Петрова).
	Общество и культура	Трансгенерация травмы (Winship); К. Бейкер и Ю.Б. Гиппенрейтер (последствия репрессий и геноцида).	Осведомленность как фактор благополучия личности.

Из табл. 1 мы видим, что уровень индивида представлен в основном психоаналитическим направлением. Основной акцент сделан на деструктивном влиянии неэксплицированного содержания семейной истории [16]. В отличие от предыдущего, системный подход предполагает целостный анализ. Но здесь зачастую нивелируются особенности самих элементов системы [5; 6], и важны лишь актуальный момент и актуальное состояние системы, в которой предыдущая история не оказывает существенного значения в паттернизации поведения. Существенным стал шаг в признании и учете общественной ситуации, обуславливающей патологизацию [8; 18]. Главное содержание первой половины таблицы — рассмотрение семейной истории только как деструктивного феномена.

Вторая половина таблицы представлена общей ориентацией на оценку семейной истории как ресурсного феномена. Одним из подходов, который центрируется только на конкретном индивиде, является судьбоанализ Сонди. Но «позитивность» и непредрежденность влияния семейной истории признается только на уровне индивида. Одним из немногих вариантов, где происходит поворот к ресурсности самого феномена и учет семейной системы с привлечением опыта субъекта, является работа Е.А. Петровой [10]. Но при этом не учитывается конкретно-историческая специфика данного феномена.

Таким образом, мы можем отметить перспективы изучения семейной истории, в которой будет учитываться историчность развития на всех трех уровнях, и, что не менее важно, позитивное содержание и структуру семейной истории. Исходя из этих соображений, мы предлагаем свое понимание семейной истории, которое добавляет новую и недостающую для целостного представления третью позицию в таблицу. В этом плане осведомленность, принятие событий семейной системы — это факт преодоления травматичных ситуаций и разрывов, которые вписаны в семейную историю. При этом ее содержание заключается не только в преодолеваемых негативных, но и ресурсных, стабилизирующих элементах, которые являются основой семейной идентичности на уровне межпоколенной семьи, неразрывно связанной с культурно-исторической ситуацией.

Необходимо внести также дополнительные характеристики, которые прослеживаются в других направлениях в качестве механизма трансляции. Представляется, что в существующих подходах и взглядах по отношению к семейной истории имеется образ непосредственной передачи «схем» семейной истории. Такая ситуация существенно затрудняет исследование самого феномена и самого процесса трансляции, т.к. здесь происходит игнорирование самого развития личности и ее специфики. Соответственно, процесс передачи семейной истории имеет специфику на различных этапах онтогенеза. Другая характеристика касается учета временного аспекта в семейной истории. В указанных подходах преобладает акцент на прошлом и настоящем, тогда как необходимо обратить внимание на возможность конструирования семейной истории, т.е. не только возможность ее спонтанного изменения. В последнем проявляется собственная активность

субъекта семейной истории в ее построении.

Таким образом, исследование семейной истории в данной работе имеет в основе системный характер и предполагает позитивную ориентацию. При этом, в отличие от взгляда А.Е. Петровой, в понимании семейной истории особое внимание уделяется не только знанию событий семьи. Мы акцентируем внимание на роли отношений личности к этим событиям, а также учитываем саму активную позицию личности как целенаправленно формирующую эти представления и выстраивающую свою концепцию семейной истории. Эти смещения концептуализируются в современном понятии семейного нарратива.

В соответствии с вышесказанным на основе проанализированных представлений нами было сформулировано рабочее определение понятия семейной истории. Семейная история — формирующиеся в процессе онтогенеза представления и отношения личности к историческим событиям своей семейной системы, выступающие детерминантами поведения в эмоционально насыщенных ситуациях и являющиеся основой построения семейной и личностной идентичности [4].

Девиантность, общество, семья и семейная история

Традиционным объектом изучения в рамках «семейной истории» являются различные девиации и неадаптивные формы поведения, передающиеся из поколения в поколение. Неадаптивные формы поведения — довольно широкий класс явлений. Мы сосредоточим внимание на девиантном поведении. В настоящий момент наиболее полное определение отклоняющегося поведения сформулировано как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [9]. Обращение к этой категории объясняется тем, что в ее изучении практически не учитывается компонент семейной истории и семейной идентичности.

На данный момент существуют социологические (макросоциальный уровень: Э. Дюркгейм, Р. Клаурд и Л. Оулин, Э. Лемерт и Г. Беккер и т.д.) и, собственно, социально-психологические (микросоциальный уровень: Дж. Боулби, М. Кляйн и Х. Кохут, А. Бандура) теории девиантности.

Первые концентрируются только на уровне общества, игнорируя особенности более низкого порядка. Поэтому получаемая картина является неполной и искаженной. Вторая группа теорий, несмотря на свою эффективность, так же обладает односторонностью и мозаичностью. При этом остается без рассмотрения анализ основ, способствующих благоприятному и эффективному развитию, а также отсутствует целостное видение проявления девиантности. В качестве интегрирующей категории и предлагается семейная история. Но на данном этапе развития представлений о семейной истории недостаточно фактологического материала и неизвестны механизмы трансляции этого опыта, в соответствии с чем необходимо проводить поисковые исследования. Предположительно, связь СИ и девиантности может быть следствием малой осознанности и проработанности содержания семейной истории.

Таким образом, существенная идея данной статьи — необходимость разработки представлений о природе девиантного поведения при помощи концепта семейной истории, который характеризуется целостностью и пронизывает все уровни анализа существующих проблем. И самое главное — она выступает основой того стабилизирующего эффекта, о котором так много говорится в настоящий момент. Для реализации поставленных целей и

задач необходимо для начала установить факт связи семейной истории и девиантного поведения.

Метод и методики исследования

Настоящее исследование было направлено на выявление связи между психологическим благополучием личности и осознанностью, степенью представленности семейной истории для подростка.

Выборку составили подростки в возрасте 14-16 лет, общий объем выборки 121 человек. Она была условно разделена на две группы: группу нормативных подростков (73 человека) и группу подростков с отклоняющимся поведением (48 человек).

В первую группу вошли подростки, обучающиеся в общеобразовательной школе с углубленным изучением гуманитарных дисциплин. Они отбирались по трем критериям: совместное проживание с семьей, возраст (от 14 до 16 лет), хороший уровень успеваемости. Последний критерий связан с тем, что хорошая успеваемость должна сопровождаться лучшими когнитивными и рефлексивными способностями.

Во вторую подгруппу вошли дети, обучающиеся в специализированном учреждении г. Москвы. Критерии отбора: наличие статуса девиантности, оценка поведения подростков педагогами и психологом данного учреждения, наличие правонарушений, возраст от 14 до 16 лет.

Подгруппа «девиантных» подростков состоит в основном из мальчиков (45 мальчиков, 3 девочки), тогда как в подгруппе «нормативных» количественно преобладают девочки (47 девочек, 26 мальчиков).

Методы исследования: опросник «Шкала депрессии» А. Бэка; опросник личностной тревожности А.М. Прихожан; опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в модификации П.П. Фесенко [15].

Также использовалась специально созданная анкета по осведомленности в семейной истории (АПОСИ), направленная на выявление уровня осведомленности подростков в истории собственной семьи. В нее входят следующие 5 категорий: знание интересов и важнейших событий в истории собственной семьи, знание и значение межпоколенческой ретроспективы, семейные ценности и отношение к ним, субъективное представление уровня осведомленности в СИ, семейные тайны (частота затрагиваемости тем из семейной истории, наличие самих тайн в семейной истории, «необсуждаемые» члены семьи).

В исследовании нами было сформулировано предположение, в котором утверждается, что высокий уровень осведомленности в семейной истории связан с высоким психологическим благополучием личности. В частности, предполагается наличие независимости фактора отклоняющегося поведения и осведомленности в семейной истории по отношению к психологическому благополучию личности. Подростки, относящиеся к группе девиантных с более высоким уровнем психологического благополучия, также и более осведомлены в семейной истории.

Результаты исследования

В настоящем исследовании первым этапом было выявление связи между используемыми опросниками. Это необходимо, потому что до сих пор отсутствует нормализация опросника психологического благополучия К. Рифф на подростковой группе.

В результате выработки более дифференцированных критериев отбора подростков и расширения объема выборки были получены, прежде всего, адекватные показатели

корреляционного анализа. Из нижеприведенной таблицы видно, что мы получили значимые отрицательные корреляции по общим показателям между психологическим благополучием двух клинических методик.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа по трем опросниковым методикам

Корреляции по Пирсону, N=121		Опросник психологического благополучия К. Рифф				
		Баланс аффекта	Осмысленность жизни	Человек как открытая система	Автономия	Общий балл
Шкала личностной тревожности А.М. Прихожан	Школьная тревожность	-0.345**	-0.382**	-0.340**	-	-0.485**
	Самооценочная тревожность	-0.316**	-0.463**	-0.344**	-	-0.519**
	Межличностная тревожность	-0.420**	-0.483**	-0.468**	-0.221**	-0.644**
	Магическая тревожность	-	-	-	-	-
	Общий балл	-0.369**	-0.454**	-0.363**	-0.170*	-0.558**
Шкала депрессии Бека	Когнитивно-аффективная	-0.185*	-0.572**	-0.562**	-0.245**	-0.596**
	Соматическая	-0.271**	-0.574**	-0.430**	-0.267**	-0.609**
	Общий балл	-0.234**	-0.637**	-0.563**	-0.261**	-0.657**

Условные обозначения: ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

Как видно из табл. 2, чем выше показатели по психологическому благополучию, тем ниже результаты по клиническим шкалам.

Наиболее интересными и показательными для нас являются достаточно высокие отрицательные корреляции между межличностной тревожностью и субшкалами по методике К. Рифф. Это может быть важным показателем в случае связи благополучия и семейной истории. Т.к. формирование представлений об истории семьи — процесс интеракционный. Ее изучение, освоение и осознание могут входить в критическую зону. За счет этого могут усиливаться девиационные процессы у определенной группы подростков ввиду малой проработанности семейной истории и отдаления от семейной системы.

Помимо этого, тенденциозный анализ может показать наиболее существенную связь между показателями двух клинических методик с субшкалами «осмысленность жизни» и «человек как открытая система».

Второй этап исследования состоял в выявлении предполагаемой разницы в

психологическом благополучии между девиантными и нормативными подростками. Для этого мы выяснили, что по результату применения критерия Колмогорова-Смирнова обе группы распределены нормально ($p > 0.1$). Результаты проверки выборок на однородность по критерию Ливеня позволяют говорить о неоднородности групп, что необходимо для дальнейшей обработки данных. По результатам Т-критерия Стьюдента девиантные и нормативные подростки различаются по общему показателю психологического благополучия ($p < 0.000$). Этот вывод необходим для дальнейшего выявления особенностей в уровне осведомленности подростков.

Третий этап исследования являлся наиболее значимым и состоял в том, чтобы оценить вклад уровня осведомленности подростков в семейной истории в удовлетворенность личности собственной жизнью. Для этого мы использовали вопросы из анкеты АПОСИ, которые позволили нам дифференцировать выборку на более и менее осведомленных в истории семьи. Выявление адекватных вопросов, которые позволят дифференцировать выборку с помощью статистических процедур, осуществлялось с помощью фи-критерия Гилфорда, где учитываются два показателя — «девиантность-нормативность» и «осведомленность-неосведомленность». Его применение обусловлено тем, что мы работаем с двумя номинальными шкалами. В целом это позволяет выявить не только адекватность вопроса, но и взаимосвязь между осведомленностью и нормативностью поведения.

Далее производилось выделение наиболее существенных «вопросов», по которым можно провести дифференциацию групп и подсчет частот. В результате можно заключить: если человек выбирает 70 и более процентов ответов по определенному количеству вопросов, относящихся к группе условной осведомленности, то мы имеем право относить данного человека к категории осведомленных (и наоборот). Задав 70-процентный порог по отбору целевых вопросов для отнесения к группе осведомленных подростков, мы получили процентное распределение выборки по тем или иным группам (табл. 3).

Таблица 3

Процентное соотношение осведомленных и неосведомленных подростков

	Нормативные	Девиантные
Осведомленные	49%	39%
Неосведомленные	51%	61%

Имея возможность разделить выборку на «осведомленных» и «неосведомленных», мы получаем возможность оценить взаимодействие факторов (осведомленность-девиантность). Для этого был использован двухфакторный дисперсионный анализ. Из табл. 4 видно, что оба фактора являются определяющими по отношению к психологическому благополучию, и самое главное, что они являются независимыми.

Таблица 4

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа

Факторы	<i>F</i>	<i>p</i>
Осведомленность	42.209	0.000

«Нормативность»	72.101	0.000
Взаимодействие факторов	2.760	0.099

Таким образом, мы можем утверждать следующее — в настоящем исследовании выявлено, что осведомленность в истории собственной семьи является «фактором» психологического благополучия. Касательно подростков, имеющих отклоняющееся поведение, можно также утверждать, что более осведомленные имеют большую удовлетворенность жизнью. И, естественно, их осведомленность выше по отношению к своей группе, тогда как нормативные в большей степени осведомлены и получают большие показатели по благополучию. Такой вывод требует конкретного пояснения в имеющихся различиях по результатам работы с анкетой.

Различия в уровне осведомленности в истории собственной семьи (сравнение нормативных и девиантных подростков):

Из ответов респондентов следует, что наибольшим различием характеризуется расхождение в частоте общения с расширенной семьей. Группа подростков из общеобразовательной школы часто поддерживает связь с расширенной семьей (двоюродные братья и сестры, дяди и тети, крестные и т.д.), тогда как у подростков с отклонениями в поведенческой сфере преобладает общение «по случаю» или общение с расширенной семьей отсутствует. Это является значимым фактором для выстраивания определенной картины семейной истории и знания важнейших событий. Ввиду этого мы выявили наиболее значимый показатель, где девиантные подростки характеризуются дефицитными знаниями о наиболее близких родственниках, тогда как нормативные в преобладающем большинстве имеют возможность легко актуализировать имеющиеся сведения (рис. 1).

Рис. 1. Знание интересов и важнейших событий членов семьи

Характеризуя полученные ответы из второго блока анкеты, мы можем также отметить отчетливое различие между двумя группами. Оно заключается в том, что нормативные подростки имеют достаточно знаний (без учета их качества) до третьего поколения, далее

происходит снижение знаний, тогда как знание девиантных подростков начинает снижаться уже в переходе от нуклеарной семьи. При этом отмечается тенденция в большей значимости семейной истории у нормативных подростков, тогда как у девиантных она приобретает уплощенный характер, и наиболее отчетливо выступает некоторое желание знать, что является значимым в контексте вышеизложенных мыслей (рис. 2).

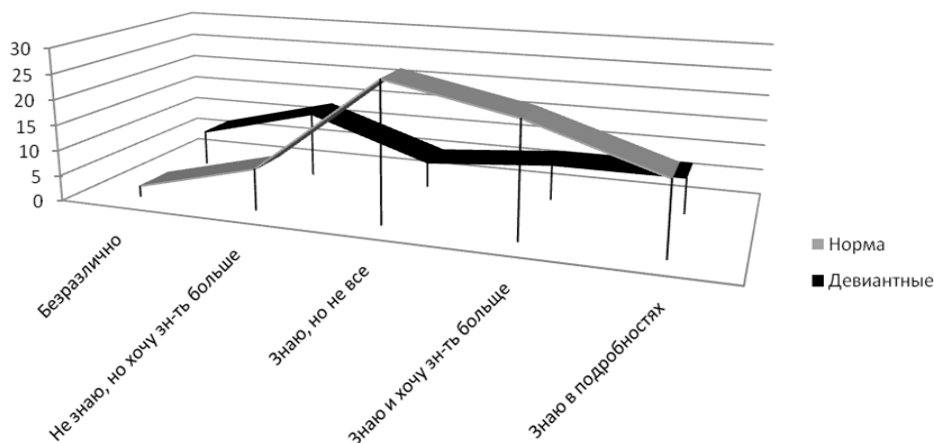
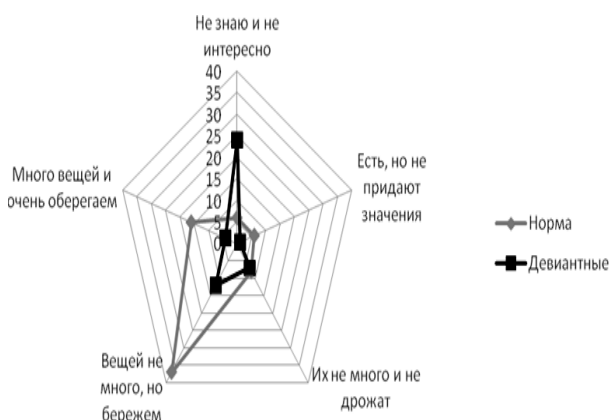
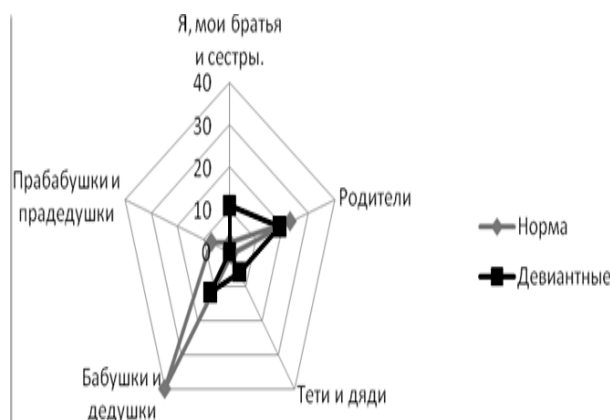

Рис. 2. Ответы респондентов по второму блоку анкеты

Касательно третьего блока мы можем отметить следующее: 60% нормативных подростков бережно относятся к семейным реликвиям; имеется направленность на сохранение и обогащение «семейных резервов» (рис. 3а). Субъектом трансляции у нормативных подростков выступает в большей степени прапоколение, тогда как у девиантных — родители и они сами (рис. 3б).

3а. Отношение к ценностям

3б. Субъектная позиция к ценностям

Рис. 3. Отношение к семейным ценностям и субъектная позиция по отношению к ним

Четвертый блок характеризуется, прежде всего, тем, что девиантные подростки осведомлены мало или совсем не осведомлены, тогда как у подростков из общеобразовательной школы отмечается тенденция знать больше. В целом они больше осведомлены, чем подростки с отклоняющимся поведением, хоть и несколько дефицитарно. Последнее связано с происходящими процессами нуклеаризации в мире.

Важным моментом является разная половая представленность, которая может вносить некоторые искажения в представляемые результаты. К сожалению, в среде девиантных подростков преобладает в основном мужская часть популяции. Возможно, определенные особенности результатов можно объяснить особенностями взаимодействия мальчиков с семьей.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование было посвящено изучению связи между психологическим благополучием личности и осведомленностью в истории собственной семьи. В частности, были рассмотрены два вопроса: имеются ли различия между психологическим благополучием личности у девиантных подростков и подростков, относящихся к группе нормы, а также существуют ли внутригрупповые различия по осведомленности в семейной истории семьи и психологическому благополучию личности. Полученные результаты показывают, что существует связь между психологическим благополучием личности и осведомленностью в истории собственной семьи.

Во-первых, чем выше осведомленность в истории собственной семьи, тем выше психологическое благополучие личности. Такой вывод можно сделать и по результатам разделения выборки на две категории — нормативных и девиантных подростков. Т.е. у девиантных подростков низкие показатели по клиническим шкалам и высокие по психологическому благополучию личности связаны с более высокой относительной осведомленностью в истории собственной семьи.

Во-вторых, наличие отклонений в поведении и уровень осведомленности в истории собственной семьи являются независимыми факторами, которые «определяют» уровень психологического благополучия личности. Имеющиеся представления о природе и механизмах девиантности не учитывают роль семейной истории. По результатам нашего исследования видно, что осведомленность в истории собственной семьи является ресурсом, который определяется через более высокий уровень психологического благополучия личности.

В левой части табл. 1 мы указали, что существует целый ряд теоретических представлений, которые выделяют в семейной истории патологизирующий эффект. Тогда как наши результаты свидетельствуют об обратном.

В-третьих, имеются как количественные, так и качественные отличия в осведомленности в истории семьи между нормативными и девиантными подростками. Нормативные подростки чаще имеют возможность вступать в контакт с расширенной семьей, их знания более детальны и имеют тенденцию к увеличению знаний в истории семьи. Девиантные подростки не имеют возможности чаще и больше обращаться к источникам трансляторов семейной истории, более психологически благополучные имеют выраженную направленность на приобретение знаний о семейной истории. Учитывая характер коммуникативного процесса, отсутствие альтернативных и дополнительных источников

знания, это объясняет дефицитарность представлений о семейной истории. В этом смысле теории «патологизирующего эффекта» (табл. 1) семейной истории получают иную интерпретацию — не сама по себе семейная история является источником «патологии», а непроработанность семейной истории.

Результаты, полученные в настоящем исследовании, могут быть интерпретированы как подтверждающие сформулированную выше точку зрения. Большая осведомленность в семейной истории связана с большим психологическим благополучием личности.

Выводы и заключение

В данном исследовании была изучена связь между уровнями в «осведомленности в семейной истории собственной семьи» и психологическим благополучием личности. Для этого был использован ряд методических средств — анкета для изучения осведомленности в семейной истории, опросник по изучению психологического благополучия К. Рифф, шкала депрессии А. Бэка и опросник тревожности А.М. Прихожан. Было обнаружено, что более высокий уровень в «осведомленности в семейной истории собственной семьи» связан с более высоким уровнем психологического благополучия личности.

В ходе исследования было выявлено, что «осведомленность в истории собственной семьи» связана с показателями психологического благополучия личности. Тем самым она имеет ресурсную составляющую.

Результаты использованной анкеты по изучению «осведомленности в истории собственной семьи» демонстрируют общую тенденцию к снижению степени контактов в семье, что может служить показателем уменьшения осведомленности в семейной истории. Т.е. коммуникативный аспект является неотъемлемым процессом формирования представления о собственной семье и ее истории. Помимо этого, значимыми являются «четкое» распределение ролей, мотивационная направленность, особенности ценностно-смысловой сферы.

Выявленные проблемы изучения семейной истории требуют дальнейших теоретических разработок, а также улучшения технических средств. Помимо этого, хотелось бы выдвинуть предположение — определяющее значение для «семейной истории» имеет социальная ситуация развития, которая выявляет неоднозначность влияния происходящих процессов семейной системы на людей в различных этапах онтогенеза отдельного индивида и жизненных циклах самой семейной системы.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Грустный оптимистический взгляд на психологическую науку // Психология. 2005. Т. 2. № 1. С. 130–139.
2. Богатырева М.Х. Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 109. С. 164–170.
3. Большаков М.А. «Проблема нравственности и духовности в современном обществе» // Человек и образование. 2007. № 1. С. 66–69.
4. Бондаренко Я.А. Проблемы изучения семейной истории // Материалы XIV Городской научно-практической конференции с международным участием «Молодые ученые – столичному образованию» (г. Москва, 23 апреля 2015 г.). М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. 395 с.

5. Бэйкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-центр, 2012. 496 с.
6. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-центр, 2012. 182 с.
7. Емелин В. Кризис постмодернизма и трансформация идентичности в инфообществе // *Credo new*. 2014. № 1. С. 35–52.
8. Медведев С.Э. Трансгенерационные процессы при психической травме [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20050110> (дата обращения: 11.12.2015).
9. Панцырь С.Н., Новгородцева А.П. Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения // *Культурно-историческая психология*. 2013. № 2. С. 64–72.
10. Петрова Е.А. Межпоколенные отношения как ресурс совладающего поведения: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 249 с.
11. Сельвини-Палаццоли М. и др. Парадокс и контрпарадокс: новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / М. Сельвини-Палаццоли, Л. Босколо, Д. Чеккин, Д. Прата. М.: Когито-Центр, 2010. 204 с.
12. Сосланд А.И. Психотерапия в сети противоречий // *Психология*. 2006. Т. 3. № 1. С. 46–67.
13. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. Т. 22. № 3. С. 8–22.
14. Хамитова И.Ю. Межпоколенные связи: влияние семейной истории на личную историю ребенка [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 4. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20050110> (дата обращения: 01.02.2016).
15. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 95–129.
16. Шутценбергер А.А. Синдром предков: трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Психотерапия, 2011. 256 с.
17. Якимова Т.В., Бондаренко Я.А. Осведомленность в истории своей семьи как фактор психологического благополучия [Электронный ресурс] // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2014. Том 6. № 4. С. 93–105. doi:10.17759/psyedu.2014060409
18. Winship G., Knowles J. The transgenerational impact of cultural trauma: linking phenomena in treatment of thrid generation survivors of the holocaust // *British Journal of Psychotherapy*. 1996. Vol. 13 (2). P. 259–266.

References

1. Allakhverdov V.M. Grustnyi optimisticheskii vzglyad na psikhologicheskuyu nauku [A Sad Optimistic View on Psychological Science. What My Colleagues Think of Psychological Knowledge]. *Psikhologiya*, 2005, no. 1, pp. 130–139. (In Russ.).
2. Bogatyreva M. Kh. Mezhpokolennaya peredacha semeinoi istorii. Defekty peredachi [Inter-generation transfer of family history. Transfer defects]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 109, pp. 164–170. (In Russ.).
3. Bol'shakov M.A. Problema npravstvennosti i dukhovnosti v sovremennom obshchestve [the problem of morality and spirituality in modern society]. *Chelovek i obrazovanie*, 2007, no. 1, pp. 66–69. (In Russ.).

4. Bondarenko Ya.A. Problemy izucheniya semeinoi istorii [problems of studying family history]. Materialy chetyrnadcatoi Gorodskoi nauchno–prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Molodye uchenye – stolichnomu obrazovaniyu» [Young scientists – the capital formation. *Materials of the Twenty Forth public scientific and practical conference with international participation*] (g. Moskva, 23 aprelya 2015 g.). Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2015. 395 p. (In Russ.).
5. Beiker K., Varga A.Ya. Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika [Bowen family systems theory: Basic concepts, methods and clinical practice]. Moscow: Kogito–Tsentr, 2012. 496 p. (In Russ.).
6. Varga A.Ya. Vvedenie v sistemnyuyu semeinuyu psikhoterapiyu [Introduction in systemic family therapy]. Moscow: Kogito–Tsentr, 2012. 182 p. (In Russ.).
7. Emelin V. Krizis postmodernizma i transformatsiya identichnosti v infoobshchestve [The crisis of post–modernism and the transformation of identity in the info–society]. *Credo new*, 2014, no. 1, pp. 35–52. (In Russ.).
8. Medvedev S.E. Transgeneratsionnye protsessy pri psikhicheskoi travme [Transgenerational processes after a psychological trauma]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza psyjournal.ru*, 2010, no. 4. Available at: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2610> (Accessed 11.12.2015). (In Russ.).
9. Pantsyr' S.N., Novgorodtseva A.P. Lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnymi formami povedeniya [Personality Features in Adolescents with Deviant Behavior]. *Kul'turno–istoricheskaya psikhologiya=Cultural–Historical Psychology*, 2013, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.).
10. Petrova E.A. Mezhpokolennye otnosheniya kak resurs sovladayushchego povedeniya. Diss. kand. psikhol. nauk. [The intergenerational relations as a resource of coping behavior. Ph.D. (Psychology) Diss.]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. 249 p. (In Russ.).
11. Sel'vini–Palatstoli M., Boskolo L., Chekin D., Prata D. Paradoks i kontrparadoks: novaya model' terapii sem'i, vovlechennoi v shizofrenicheskoe vzaimodeistvie [Paradox and Counterparadox: A New Model in the Therapy of the Family in Schizophrenic Transaction]. Moscow: Kogito–Tsentr, 2010. 204 p. (In Russ.).
12. Sosland A.I. Psikhoterapiya v seti protivorechii [Psychotherapy in the Circuit of Contradictions]. *Psikhologiya*, 2006, no. 1, pp. 46–67. (In Russ.).
13. Strokova S.S. Napravleniya izucheniya semeinoi identichnosti v psikhologii [Approaches to family identity research in psychology]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya =Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2014, no. 3, pp. 8–22. (In Russ.).
14. Khamitova I.Yu. Mezhpokolennye svyazi: vliyanie semeinoi istorii na lichnyuyu istoriyu rebenka [Elektronnyi resurs] [Intergenerational ties: the influence of a family history/story on a child's personal life]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza psyjournal.ru*, 2003, no. 4. Available at: <http://www.psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2817> (Accessed 01.02.2016). (In Russ.).
15. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological well–being of the person]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2005, no. 3, pp. 95–123. (In Russ.).
16. Shuttsenberger A.A. Sindrom predkov: transgeneratsionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy [The Ancestor Syndrome: Transgenerational Psychotherapy and the Hidden Links in the Family Tree]. Moscow: Psikhoterapiya, 2011. 256 p. (In Russ.).

Бондаренко Я.А.
Изучение осведомленности в семейной истории:
психологическое благополучие и девиантное
поведение
Психолого-педагогические исследования 2020. Том
12. № 1. С. 72–85.

Bondarenko Ya.A.
The Study of Awareness of the Family History:
Psychological Well-being and Deviant Behavior
Psychological-Educational Studies 2020. Vol. 12, no. 1,
pp. 72–85.

17. Yakimova T.V., Bondarenko Y. Awareness of the Family History as a Factor in Psychological Well-being in Adolescence [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru=Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2014. Vol. 6, no. 4, pp. 93–105. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73552.shtml (Accessed 1.04.2015). (In Russ.).
18. Winship G., Knowles J. The transgenerational impact of cultural trauma: linking phenomena in treatment of third generation survivors of the holocaust. *British Journal of Psychotherapy*, 1996, Vol. 13 (2), pp. 259–266.

Информация об авторах

Бондаренко Яков Александрович, аспирант, кафедра психологии личности, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5230-8726>, e-mail: mail_93@mail.ru

Information about the authors

Yakov A. Bondarenko, Postgraduate student, Chair of Psychology of Personality, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5230-8726>, e-mail: mail_93@mail.ru

Получена 27.08.2018
Принята в печать 24.03.2020

Received 27.08.2018
Accepted 24.03.2020